

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Шерр

ЖЕСТОКИЙ 2

ТЕБЕ НЕ СБЕЖАТЬ

Жестокие игры

Анастасия Шерр

Жестокий 2. Тебе не сбежать

«Автор»

2021

Шерр А.

Жестокий 2. Тебе не сбежать / А. Шерр — «Автор»,
2021 — (Жестокие игры)

Я хочу её. Хочу её крови, её слёз и стенаний. Хочу играть в неё, пока не сломаю, а после уничтожить, испепелить, растворить её в себе. Я хочу её всю без остатка. Хочу стать её тенью, её сном и явью. Её кошмаром. Я одержим ею настолько, насколько может быть одержимым больной психопат. Она называет меня жестоким, а я кайфую от её страха и боли. И так же сумасшедше желаю её любви и страсти. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анастасия Шерр

Жестокий 2. Тебе не сбежать

ГЛАВА 1

Открываю глаза и тут же вижу его лицо. Мрачная, самодовольная ухмылка Вайнаха заставляет поёжиться. Я не была в восторге от его брата, долбаного насильника, а теперь и вовсе проваливаюсь в уныние. Мне никогда не избавиться от этой проклятой семейки и их адских игрищ. Им нравится меня истязать, нравится играть мною, словно мячом, то забирая друг у друга, то пиная обратно.

Ненавижу... Как же сильно я их ненавижу. Этих двух ублюдков, испоганивших мне жизнь. Один уже за это поплатился. Я видела его окровавленное тело, валяющееся у обгоревшей машины. Хотя... Он спас мне жизнь. Проклятый насильник спас меня, вытолкнув из салона до взрыва. Но этим оказал мне медвежью услугу, потому что теперь я попала в руки к ещё более злобному зверю. К его брату... Извергу, из-за которого меня изнасиловали. Извергу, отобравшему у меня прежнюю жизнь и мужа. Извергу, который сделает всё, чтобы доломать меня, стереть в пыль.

– Нет... Нет... – мотаю головой, силясь встать с дивана, на котором лежу, но он придавливает меня своей огромной лапицей, положив её мне на грудь и склонив своё лицо так низко, что едва не касается губами моих губ.

– Соскучилась, красивая? Ничего не говори, – его рука движется по моему телу вверх, пальцы ловко и быстро сжимаются на горле. – Я знаю, что соскучилась. Поздравляю тебя. Ты выполнила свою миссию.

– И что теперь будет? – сглатываю вязкую слюну, но пересохшее горло смочить так и не получается.

– Для тебя всё кончено, – его усмешка, словно острое лезвие ножа, полосует меня по остаткам нервов, и я закрываю глаза, не в силах смотреть на него.

– В каком... В каком смысле кончено? Ты меня убьёшь?

Скорее всего. Ведь он отомстил брату, а значит, и я больше не нужна.

– Уже убил. Тебя больше нет. Ты не существуешь. Числишься погибшей, как и мой брат.

Я широко распахиваю глаза и, вперившись в него острым взглядом, поднимаюсь на руках, но он снова надавливает мне на грудь, при этом цепляя сосок сквозь майку. О том, почему я сейчас в одном белье, думать не хочется.

– Что это значит? Объясни. Как это не существую. Я же здесь... Я жива, – ответ я, конечно же, уже знаю. Вижу по его наглой ухмыляющейся морде. Я догадываюсь, что он сделал, но всё ещё отказываюсь верить. Он не может быть подонком настолько!

– Позже покажу тебе свидетельство. Говорят, твой муж очень горюет. Ужасно убивается. С ума сойти, – с наигранным сожалением качает головой, а я чувствую, как губы кривятся в улыбке. Хмыкаю с истерическим смешком и отодвигаюсь от него, насколько могу. Неnamного. Лишь освобождаюсь от давившей на грудь, словно камень, руки.

Имран поднимается, поправляет чёрный пиджак. Под ним чёрная рубашка и брюки того же цвета. Словно траур.

– Зачем? – шевелю губами, но голос свой не слышу. В ушах стучит и шумит.

– Хочу посмотреть, что будет с твоим возлюбленным. Как его корёжить будет. Как он орать будет и выть на луну. И тогда, быть может, избавлю его от мучений.

– О ком ты? Об Антоне? – мотаю головой, категорически не понимая, зачем ему страдания моего мужа. Разве он его не отпустил, забрав меня в уплату долга?

– Да нахрен мне твой муженёк. Я вернул должок брату. Ты же помнишь моего брата? Или уже забыла? – скалится, словно акула, отпивает что-то из стакана и протягивает его мне. – Выпьешь? – спрашивает так просто, так спокойно, словно не он только что объявил мне о моей же гибели.

– Разве Булат не погиб?

– О, неееет, – тянет довольно. Мы с братом заговорённые, нас так просто не сгубить. Хотя, конечно, попытки были. Но нет, у меня не было цели убивать его. Зачем? Я хочу, чтобы он горел в огне, как когда-то горел я. Убивать его нет смысла.

– Но он думает, что погибла я... Да?

– Ну наконец-то. Дошло, – он щёлкает пультом и устраивается в кресле, будто позабыв о моём существовании. А я оглядываюсь вокруг, панически соображая, что делать дальше.

Встаю с дивана, босиком шагаю по ковру. Здесь прохладно, или меня знобит.

– Отпусти меня, – произношу тихо, встав за его спиной и кутаясь в плед, которым была укрыта. Мы в комнате вдвоём, но я понимаю, что, стоит мне напасть на него, на шум сбегутся охранники. Я ещё помню гориллу Ваху. Да и сам Имран вряд ли будет бездействовать. Только если вырублю его с первого удара, что сделать будет крайне трудно, даже если вооружиться чем-нибудь тяжёлым. К примеру, вон той кочергой у камина.

Я не решаюсь действовать так. Это глупо и необдуманно. Не успею даже пикнуть, как Вайнах размажет меня по стене, словно назойливую муху. Тем более что искать меня теперь уже точно никто не будет. Все, кто меня знал, теперь думают, что я погибла при взрыве. На Антона, конечно, надежды у меня не было и до этого. Он мог уже сто раз поднять город на уши. Так сделала бы я на его месте. Но муженёк расплатился мною за свои долги, разумеется, этот трус не станет переть на Вайнаха – больно дрожит за свою шкуру.

А вот Булат... Булат меня искал бы. Только с ним всё неясно. Кажется, он сам пострадал при взрыве. Я помню, что видела его в луже крови с изувеченным лицом. И Имран сказал, что он тоже вроде как считается хорошо погибшим.

Какой же страшный человек... Смотрю ему в затылок, на беспорядочно растрёпанные, слегка выющиеся черные волосы и не могу себе представить, каким нужно быть подонком, чтобы сотворить такое с родным братом. Мне страшно от этого и хочется плакать. Хочется бежать, но куда? Прямо в окно? И там решётка... Как в тюрьме.

– Отпусти меня! – повторяю громче, но Вайнах будто не слышит, продолжает смотреть новости, как ни в чём не бывало. – Имран! Пожалуйста... Я уеду. Далеко уеду. И не вернусь сюда больше. Только позволь мне уйти отсюда. Я никому ничего не расскажу. Пусть твой брат думает, что я погибла, хорошо! Но позволь мне уехать и забыть всё это, как страшный сон.

– Ваха! – зовёт своего цепного пса, и тот незамедлительно появляется на пороге. – Уведи её отсюда, я хочу новости посмотреть.

ГЛАВА 2

– Пусти меня! Пусти! – отбиваюсь от гориллы, схватившего меня за руку своей гадкой лапицей, и визжу до хрипоты. – Пусти, сказала! Не лапай меня своими ручищами! Имран! Имраан! – ору так, что, кажется, стакан в его руке сейчас лопнет, сам же Вайнах даже ухом не ведёт, сосредоточившись на своей проклятой плазме. – Ты подонок, слышишь?! Я всё равно убегу! Всё равно избавлюсь от тебя, даже если мне придётся перерезать тебе глотку! – я нарываюсь. Хочу, чтобы он хоть как-нибудь отреагировал. Но сволочь молчит, словно специально.

Ваха больно встряхивает меня, рычит на ухо:

– Уймись, а то порву!

– Не уймусь! Я не позволю вам и дальше ломать меня! Я человек, мать вашу, уроды! Я – человек! Не ваша игрушка!

Ваха вытаскивает меня в коридор, и, когда дверь в кабинет Вайнаха закрывается, я впечатываюсь в стену спиной, отчего перехватывает дыхание и боль простреливает позвоночник. Горилла хватает меня за шею, сдавливает и кривит свой рот.

– Я сказал, уймись, сука. А то я тебя...

– Ваха, не трогай её! – слышится повелительное из кабинета, и обезьяна тут же убирает лапицу.

– Повезло тебе, курица. А теперь пошла впереди! И чтоб ни звука мне.

– А что ты сделаешь? – скалюсь, как зверёныш, пойманный в сети. Мне больше некуда бежать, нет никакого спасения. Только отбиваться, кусаться и царапаться до последнего... Пока силы не оставят. Я больше не буду покорной игрушкой. Пусть либо отпустят, либо убьют.

– Ты что, мразь, провоцируешь меня? – шипит злобно Ваха, нависая надо мной огромной, бесформенной скалой. Гора отборного дерьмища.

– Да кто ты вообще такой, чтобы я тебя провоцировала? Ты же челядь! Огромное, уродливое ничто! – ору ему в морду, а глаза Вахи наливаются кровью. Вот-вот ударит. Я закрываю глаза, приготовившись к увесистой затрещине. Надеюсь, не останусь после этого инвалидом.

И Ваха таки замахивается, но в последний момент его руку перехватывает Имран.

– Ты что, блядь, оглох? Или попутал чего? Я что сказал тебе?

С едкой ухмылкой наблюдаю, как Ваха опускает голову перед своим хозяином и тихо бормочет слова извинения.

– Прости, шеф. Она меня спровоцировала.

– Мне поебать, что там тебе не понравилось. Ты знаешь, что делать, – произносит Имран, и Ваха, кивнув, вздыхает, словно собирается с духом. А в следующий момент ломает себе указательный палец. Раздаётся омерзительный хруст, и мне становится дурно. Ваха шипит и кривится от боли, отчего его лицо становится ещё более страшным, но упрямо смотрит вниз, не поднимая глаза на хозяина. – А теперь ты, – Имран шагает ко мне и, как только собираюсь открыть рот, ударяет меня по лицу тыльной стороной ладони. Я заваливаюсь на задницу и ею же скольжу по начищенному до зеркального блеска полу. – А теперь пошла в комнату, пока я тебе нос не сломал. И чтобы не вылезала оттуда, пока я тебе не позволю.

Не дожидаясь, пока поднимусь на ноги, Имран хватает меня за шиворот, отдирает от пола и тащит вперёд по коридору. Зашвыривает в комнату, где я уже была, позади слышится отборная ругань Вахи и стон боли, затем краткое: «Не ной. Заслужил». А потом щелчок замка и тишина. Да, досталось горилле. Только мне уroda не жаль. Они тут все твари беспринципные. Даже разницы не чувствуют, кому-то руки ломать или себе – всё одно им. Уже завтра палец у него заживёт, как на собаке.

А вот мне по-настоящему больно. Не столько ноет ушибленная скула, сколько обидно и мерзко на душе. Во что они превратили мою жизнь? Один изнасиловал, второй избивает и запугивает. Заперли в логове зверя и как теперь вырваться?

Понемногу гнев утихает, и я прихожу в себя. Понимаю, что сглупила, когда начала нарываться. Они с лёгкостью могли снести мне голову. Либо обезьяна Ваха, либо его шеф. А мне выжить надо. Мне выбраться отсюда надо. А иначе всё, что уже выдержала до этого, было зря, и мне следовало вскрыться ещё до изнасилования.

Еду приносит другой охранник. Ставит на журнальный стеклянный столик поднос с шашлыком и неаккуратно нарезанными овощами и молча удаляется, не забыв запереть за собой дверь.

Я с ненавистью смотрю на поджаренные, как назло вкусно пахнущие дымком куски мяса и исхожу слюнями. Первые пару минут упрямо не подхожу к столу, решив устроить голодовку, а потом, немного подумав, решаю, что всем здесь на меня плевать и сочувствия я не добьюсь.

А силы нужны. Сколько я уже не ела? Сколько вообще провела в отключке? Судя по закату, вечер. Но под ложечкой так сосало, словно я проспала два дня. Нужно поесть.

Переборов гордыню, села на край кровати и потянулась за мясом. Ещё горячее, сочное...

– С ума сойти... – проворчала с набитым ртом и проглотила мясо, почти не жуя. Опустошив внушительную тарелку, запила всё газировкой и залезла с ногами на кровать. Легла набок и, свернувшись «калачиком», уснула.

Зелёных лугов и цветущих полей я не видела во сне. Только обезьянья морда Вахи и бородатая нахальная физиономия Имрана. Последний, злобно усмехаясь, направлял на меня пистолет и явно собирался выстрелить.

Кажется, я вскинулась от собственного крика и, распахнув глаза, быстро огляделась. В комнате я была одна. Но не могу сказать, что сильно этому обрадовалась. Мне нужно поговорить с Имраном. Узнать, что этому подонку от меня нужно, и по возможности выторговать себе свободу.

ГЛАВА 3

До утра я то проваливалась в беспокойный сон, то выныривала из забытья, вспоминая, где нахожусь. Сейчас пребывание в квартире Булата казалось мне не таким и ужасным, как до возвращения в дом Вайнаха. Хотя в душе всё ещё шевелилась тоска от того, что он сделал. Раньше я воспринимала насилие, как нечто эфемерное. Что-то типа документального фильма о серийных маньяках. Вроде оно и есть, но от меня далеко. И хорошо.

Но Антон заставил меня войти в мир, где ударить, изнасиловать или даже убить женщину могут с такой лёгкостью, словно муху прихлопнуть. И сейчас я не знала, что ждёт меня дальше. Каким будет следующий удар. Какую пытку придумает для меня Имран сегодня?

Когда на улице рассвело, а за окном раздались голоса охранников, я сползла с постели, нехотя прошла в ванную. Как бы там ни было, личную гигиену ещё никто не отменял. Пусть даже сегодня меня пристрелят...

Наспех ополоснувшись в душе, укуталась в банный мягкий халат, выглянула из ванной и, только убедившись в том, что по-прежнему одна, вышла в комнату. На столе уже стоял завтрак, и желудок неприятно заныл от запаха шашлыка. Серьёзно? Опять? А нормальную еду здесь не готовят? Так и до гастрита недалеко.

Забористо выругавшись, проглотила завтрак, оставив пару кусков мяса, как намёк, что шашлык не может быть ежедневной едой у девочек. Хотя мало кому есть до этого дела. Я в этом доме не гостя, я тут пленница.

За мной так никто и не зашёл. Только в обед открылась дверь, и в комнату вошёл охранник, что и до этого приносил еду. Поставил на стол обед (да, снова мясо!) и, забрав грязную посуду, пошёл к двери.

– Стой! Ты можешь передать Имрану... – но договорить мне не дали, хлопнув перед носом дверью. – Вот урод! – кинула вслед охраннику и снова замерла в ожидании.

Время шло, но меня больше никто не навещал, а за дверью, сколько я в неё ни стучала, не было слышно ни звука. И когда я уже отчаялась увидеть Имрана, он сам вошёл в мою тюрьму и встал напротив, чуть склонив голову набок и сложив перекачанные, татуированные ручки на груди. Вопреки обычаю, сегодня он был в одной белой майке и светлых джинсах. Его смуглая, покрытая мрачными рисунками кожа сильно контрастировала с одеждой, и я даже не сразу подняла глаза на его лицо.

– Ну что, созрела для разговора?

– Я ещё вчера хотела с тобой поговорить, но ваше величество, видать, не были настроены, – буркнула вполголоса.

Он усмехнулся уголком рта, взял одной рукой стул и, развернув его спинкой наоборот, присел, широко расставив ноги в стороны. Эдакий огромный жлоб с самодовольной улыбкой и злым взглядом тёмно-карих глаз.

– Если бы ты не была ебучей истеричкой, поговорили бы. Но ты была настроена на скандал, а я не люблю, когда на меня лает какая-то шавка.

Задохнувшись от злости, сжала кулаки и почувствовала, как щеки вспыхнули огнём. Однако не произнесла ничего из того, что вертелось на языке в ответ на его оскорбления. Мне нужно поговорить с ним.

– Какие у тебя планы на меня? – спросила ровным тоном, хотя мысленно расчленила этого подонка раз сто за прошедшую минуту.

– Какие у меня могут быть планы на шлюху? – развязно ухмыляется, хотя взгляд остаётся таким же ледяным, как и прежде. – Обслужила моего брата, теперь будешь обслуживать меня, –

ему явно доставляет удовольствие моё лицо в этот момент, потому что я, забыв о данном себе обещании, начинаю закипать.

– Что, прости?

– Ты глухая? Или тупая? Я сказал, обслужила моего брата, – эту фразу он проговаривает по слогам, злобно скалясь, словно я была его женой и посмела ему, такому лапушке, изменить. – Обслужишь и меня. А потом продам тебя в какой-нибудь бордель. Или просто прикопаю в лесочке. Там уж как пойдёт. Будешь стараться, быть может, перепродам кому-нибудь.

Я смотрю в его глаза и не верю тому, что слышу. Какая же мразь. Тварь законченная!

– За что? Что я сделала тебе такого, что ты так меня ненавидишь? Мм? Что? Скажи. Ты забрал меня у мужа. Лишил меня моей прежней жизни. Сделал из меня какую-то грёбаную Мата Хари местного разлива, подложил под своего братца, который, кстати говоря, взял меня силой! А теперь ещё шлюхой называешь?! За чтооо?! – последнее слово я проорала ему в лицо, хотя изначально не собиралась показывать свои эмоции. И тем не менее улюдок умело вытянул их из меня.

– Закрой свой рот, сука, пока я тебе его не порвал, – произносит тихо и так спокойно, что, если бы я не расслышала каждое его слово, подумала бы, он о погоде вещает.

Его предупреждение, правда, моментально заставляет меня заткнуться, потому что я помню и до сих пор чувствую, насколько тяжела его рука.

– Отпусти меня. Пожалуйста. Я просто хочу уехать. Подальше от всех вас... Твой брат никогда не узнает, что я жива. Мне и самой это не нужно. Я просто исчезну и всё, – начинаю позорно плакать, потому что ничего другого не могу. Чувствую свою беспомощность, и ненависть вперемешку со слепой злостью съедают изнутри. Но я упрямо держусь и продолжаю корчить из себя жертву. Я должна его обмануть. С Булатом почти получилось, получится и с ним. Должно получиться.

– Отпустить, говоришь? – он запрокидывает голову, издевательски оценивает меня взглядом. – Если хорошо поработаешь над моим членом, я подумаю. Кто знает, может, настолько умело сосёшь, что я даже пожалею тебя и действительно отпущу. Почему нет? – сволочь поганая.

– Я сделаю всё, что угодно, кроме этого – поёжившись от одной мысли о том, что я стою перед ним на коленях, и... Фу! Да ни за что!

– Покажи мне, как ты хочешь на свободу, – расстёгивает пуговицу на своей ширинке, а я, громко сглотнув, опускаю взгляд вниз.

– Сейчас? – произношу потерянно, а он, привстав, убирает из-под себя стул и делает шаг ко мне, расстёгивая и молнию.

– А почему нет? Приступай.

ГЛАВА 4

Я с ужасом смотрю на то, как он вытаскивает из штанов огромный, толстый член и, взяв его в руку у основания, проходится сжатой ладонью по всей длине.

– Ну? Чего застыла? На колени вставай. И покажи мне, как ты умеешь удовлетворять мужиков, что они так по тебе с ума сходят. Давай! – приказывает уже более резко, а я качаю головой, не в силах произнести ни слова.

Теперь ещё и он будет меня насиловать? Я не выдержу, не перенесу этого во второй раз.

– Нет, – отступаю назад, пока не упруюсь в кровать. – Имран, я не буду. Не заставляй меня, – качаю головой, пока он надвигается, продолжая надрачивать свой здоровенный причиндал.

– А с моим братом была-а-а, – тянет, скалясь, словно зверина.

– Он меня изнасиловал. Я не хотела этого. Не поступай со мной так же, если считаешь себя лучше него.

Вайнах улыбается. Его забавляет мой страх. Грёбаный маньячила. Садист проклятый. У него даже член встал на мой страх.

– Ладно, – отвечает спустя минуту и застёгивает штаны. Хотя удаётся ему это с трудом, та дубина, которую он вернул обратно, так и норовит порвать джинсы. – Потом отработаешь. Сейчас у меня важная встреча, и я зашёл сказать, чтобы ты вела себя тихо. Если кто-то, кроме моих бойцов, узнает о том, что ты жива и находишься в моём доме, мне придётся исправить свою ошибку и показать брату твои останки. Так что будь хорошей девочкой, Злата. Поняла меня?

– Поняла. Я буду сидеть тихо, – обещаю честно, потому что шок от возможного насилия ещё не прошёл, и я сейчас пойду на всё, лишь бы избежать его в будущем. – Только...

– Что такое? Ты мне условия ставить будешь? – резко выбрасывает руку вперёд, хватая меня за лицо. Ушибленная скула всё ещё болит, и я морщусь от новой порции дискомфорта.

– Нет... У меня просто маленькая просьба. Пожалуйста, – шепчу, шипя от усиливающейся боли.

– Ну? – отпускает, но не отходит, а мне душно рядом с ним. Всё тело словно в огне полыхает. Даже Булата я так не боялась, как этого кукловода. Да, именно так. Кукловода. Он играет людьми, словно игрушками на верёвочках. Просто ради удовольствия. Просто потому, что ему так хочется. Нет более опасного человека, чем обладающий силой и властью психопат, которому нравится играть чужими жизнями.

– Можно мне иногда выходить отсюда? И еда... Я не могу есть одно мясо.

Он приподнимает брови, будто удивившись моей просьбе.

– Это всё?

– Пока да, – отвечаю твёрдо, стараясь скрыть свою дрожь.

– Как прикажешь, красивая моя, – отвечает отвязно, хватая меня за волосы сзади и собирая их в свою ладонь. Больно тянет, запрокидывая мою голову. – Я обязательно тебя оприходую. Попозже. Потом сравнишь и скажешь, кто из нас двоих лучше ебёт, – его акцент снова усиливается, что свидетельствует о возбуждении... И я громко сглатываю, отворачивая лицо в сторону настолько, насколько позволяет его захват. – Бьюсь об заклад, тебя ещё толком не ебали. Уж точно не твой бывший муженёк-тряпка. А что насчёт моего брата? Тебе понравилось?

Я зажмуриваюсь, сжимаю челюсти, чтобы не плюнуть ему в рожу.

– Ты ненормальный. Тебе лечиться нужно, Имран. Я серьёзно. Запишись к психиатру, – цежу сквозь зубы, а он ловит меня второй рукой за подбородок и выдыхает в губы:

– Я уже был у него. Он с ума сошёл, когда я озвучил ему свои желания. Ты тоже сойдёшь. Ты будешь выть и умолять меня, чтобы я остановился, – а потом набрасывается на мои губы и больно мнёт их своими, царапая зубами и оставляя кровавые следы. – Мой брат тебе, сука, покажется невинным девственником, когда я возьмусь за тебя. А теперь сиди тихо и ни звука мне. Успеешь ещё поорать. И не зли Ваху. Он всё ещё обижен на тебя за палец.

Когда он уходит, я обессиленно падаю на кровать и зарываюсь лицом в подушку, намереваясь излить ей всю свою боль, но привлекает внимание внезапный шум на улице. Это машины?

Я вскакиваю на ноги, бегу к окну. Прилипаю к стеклу и вижу, как во двор въезжают несколько чёрных седанов. Из-за собравшихся у ворот охранников не могу разглядеть, кто приехал, а когда всё же вижу представительного, высокого мужчину, окружённого охраной, встаю на носочки, чтобы рассмотреть гостя Вайнаха получше. Он уже не молод, выглядит очень презентабельно и важно. Прямая спина, стройность, неприсущая пожилым людям, и лицо... Лицо мне знакомо. И не потому, что я видела его раньше, а потому, что они очень похожи с Имраном. Как две капли воды просто.

Его встречает сам Вайнах. Идёт так же прямо, уверенно. Мужчины сходятся, жмут друг другу руки. И правда, сильно похожи. Только гость чуть ниже Вайнаха. Мне кажется, или существует какое-то напряжение между этими двумя? Они недолго говорят, потом Имран делает приглашающий жест рукой, и мужчины направляются к порогу, а безопасники остаются у ворот.

Я бегу к двери, хотя вряд ли смогу что-нибудь расслышать. Комната находится в другом крыле. Но когда хватаюсь за ручку двери, та вдруг открывается. Имран не запер дверь! Забыл? Или проверяет меня? Если выйду, не наткнусь ли на обезьяну Ваху? А тот давно уже мечтает меня пристукнуть. Но соблазн узнать что-нибудь о Вайнахе, какой-нибудь его секрет или даже мелкую подробность его жизни, чтобы в дальнейшем использовать это в свою пользу, оказывается сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.